

Как только все было упаковано, Линь Цинюй и Лу Ваньчэн попрощались с отцом и матерью Линь и вернулись в резиденцию Наньань Хоу.

Все в резиденции Линь провожали их у ворот. Лу Ваньчэн первым сел в карету, чтобы Линь Цинюй мог попрощаться с семьей.

Хотя резиденции Линь и Наньань Хоу находились в столице, шаоцзюню из благородной семьи было нелегко вернуться в родную семью. Согласно правилам, он должен получить разрешение матери мужа. Сколько раз в год он мог навестить родителей, можно было пересчитать по пальцам.

Глаза матери Линь покраснели из-за нежелания отпускать его. Линь Цинхэ держал брата за руку и не отпускал. Однако самым эмоциональным был Хуань Тун, с детства следующий за Линь Цинюй.

Когда Линь Цинюй вышел замуж, Хуань Тун хотел последовать за ним в резиденцию Наньань Хоу. Но ради его будущих перспектив Линь Цинюй заставил его остаться в резиденции Линь. У Хуань Туна не было ни отца, ни матери. К тому времени, когда он мог вспомнить себя, его уже продали в резиденцию Линь. Он вырос, зная только, что нужно следовать за молодым хозяином и служить молодому хозяину. Без Линь Цинюй в доме он не знал, что ему делать. Он проводил свои дни в растерянности и, казалось, потерял смысл жизни.

С большим трудом он справился, с нетерпением ожидая возвращения Линь Цинюй в резиденцию. Теперь, когда он уходил, из его глаз потекли слезы, а из носа – сопли. Ему так сильно хотелось последовать за Линь Цинюем в резиденцию Хоу. Он даже попросил матушку Линь говорить за него: «Сейчас у тебя нет никого, кому ты можешь доверять в резиденции Хоу, тебе лучше взять с собой Хуань Туна. Нам с твоим отцом будет немного спокойнее».

Линь Цинюй снова и снова обдумывал этот вопрос. Наконец, он кивнул.

«Хуань Тун, собирайся и садись в экипаж».

Заплаканный Хуань Тун расплылся в улыбке.

Линь Цинюй сел в карету и коротко рассказал о Хуань Туне. Лу Ваньчэн беззаботно улыбнулся.

«Это счастливое событие. Павильон Голубого Ветра полон девушек. Аура инь слишком тяжелая».

Линь Цинюй вздохнул.

«Я просто не хотел, чтобы он оказался запертым во внутреннем дворе, как я».

Лу Ваньчэн не согласился: «Что плохого в том, чтобы оказаться запертым во внутреннем дворе? Для человека с большими амбициями, как у тебя, „в ловушке“ может быть правильным словом; но для меня – это „Пожалуйста, позвольте мне остаться во внутреннем доме на всю жизнь, спасибо“».

Линь Цинюй повернул голову.

«Люди, идущие разными путями, не могут строить планы вместе».

Карета тронулась, и Линь Цинюй через окно наблюдал, как фигуры его семьи постепенно исчезают.

«До свидания, гэгэ. — Линь Цинхэ махнул своей маленькой ручкой. Увидев Лу Ваньчэна, он набрался храбрости и сказал: — До свидания, Ваньчэн-гэгэ».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Прощай, Сяо (ласк. «маленький») Цинхэ. — Закрыв окно кареты, он сказал Линь Цинюй: — Кажется, я очень нравлюсь твоему брату».

Линь Цинюй кивнул.

«У Цинхэ всегда была дурная привычка судить о людях по их внешности. Я думал о многих способах исправить это, к сожалению, ему по-прежнему нравятся только люди с выдающейся внешностью».

Уголки губ Лу Ваньчэна приподнялись.

«Кажется, я слышал, как кто-то похвалил мою красивую внешность».

Линь Цинюй взглянул на него и сказал: «Ты... довольно сносный». — Хотя он не мог согласиться с возмутительно ленивым поведением Лу Ваньчэна, его лицо он неохотно мог признать приятным для глаз.

Лу Ваньчэн был поражен, как будто не ожидал, что Линь Цинюй похвалит его. Даже если сам Линь Цинюй не думал, что это похвала; он просто говорил правду. Неожиданно, в это время Лу Ваньчэн смиренно сказал: «Я потрясен, о, Красавчик номер один».

Линь Цинюй спросил: «Кто Красавчик номер один?»

«Ты».

Линь Цинью нахмурился.

«Такое утверждение сомнительно. Мир так велик и полон необыкновенных вещей. Кто может гарантировать, что видел всех людей в мире? Поскольку никто этого не сделал, как можно сравнивать?»

Лу Ваньчэн слегка улыбнулся и сказал: «О, но есть кое-кто, кто видел всех в мире, и она рассказала мне».

Линь Цинью, естественно, не поверил в такую чушь: «Глупости».

Улыбка Лу Ваньчэна не померкла. Он погладил подбородок и сказал: «Она также сказала мне, что это мое лицо во всей книге... Я имею в виду, во всем Даюй... В числе пяти лучших? Хотя я думаю, что оно довольно посредственное, намного хуже, чем мое прежнее лицо...» — он снова принялся за свою многословную чушь.

Линь Цинью закрыл глаза, чтобы отдохнуть, отключив голос Лу Ваньчэна от своих ушей.

Если не было непредвиденных инцидентов, Лян Ши уже должна знать о поездке Лу Ваньчэна в резиденцию Линь с пятью повозками подарков. Неизвестно, что она думает по этому поводу и воспользуется ли этим случаем, как возможностью затеять ссору.

Теоретически это дело не имело к нему никакого отношения, и, если Лян Ши хотела с кем-то поругаться, ей следовало найти своего сына. На первый взгляд, Лян Ши всегда баловала Лу Ваньчэна. Линь Цинью предположил, что она не станет выяснять отношения с сыном. Завтра, когда Линь Цинью пойдет приветствовать Лян Ши, ему, вероятно, сделают «дружеское предупреждение» с помощью косвенных намеков.

Думая об этом, Линь Цинью почувствовал раздражение.

Как только они прибыли в резиденцию Наньань Хоу, сонного Лу Ваньчэна вынесли из экипажа. Хуань Тун толкал кресло с Лу Ваньчэном, следуя за Линь Цинью. Он с любопытством оглядывался. Когда они приблизились к Павильону Голубого Ветра, Лу Ваньчэн уже почти проснулся. Зевая, он сказал: «Кажется, мы идем не в ту сторону?»

Это явно обратный путь в Павильон Голубого Ветра. Линь Цинью сказал Хуань Туну: «Не обращай на него внимания, идем».

Лу Ваньчэн положил локоть на подлокотник инвалидного кресла, подперев лоб рукой.

«Согласно правилам, теперь, когда мы вернулись из резиденции Линь, не должны ли мы пойти и засвидетельствовать свое почтение матушке, прежде чем вернуться в нашу комнату?»

Линь Цинюй остановился и оглянулся на него.

«Согласно правилам, ты должен каждый день вставать рано и выражать ей свое почтение, но ты когда-нибудь ходил?»

«Нет, — сказал Лу Ваньчэн и, собрав всю свою силу воли, добавил: — Тем больше причин, почему я должен пойти сейчас, когда уже проснулся».

Линь Цинюй был подозрителен. Обычно, всякий раз, когда Лян Ши приходила в Павильон Голубого Ветра, Лу Ваньчэн либо обменивался с ней несколькими небрежными словами, либо говорил, что ему нездоровится и неудобно принимать гостей. Он ни разу не пришел засвидетельствовать ей свое почтение. Можно очень хорошо представить себе, как складываются отношения между этими матерью и сыном. Лу Ваньчэн был болен, и сегодня его весь день не было дома. Он долго сидел в карете и явно очень устал. И все же он предложил засвидетельствовать свое почтение Лян Ши. Может быть...

У Линь Цинюй была смутная догадка. Он сказал: «Молодой мастер Хоу очень почтителен. Тогда давайте отправимся туда».

Они вдвоем прибыли во двор Лян Ши. Та только что закончила поздний ужин. Когда она поняла, что они пришли поприветствовать ее, то попросила приготовить угощения.

Линь Цинюй подтолкнул Лу Ваньчэна, чтобы поприветствовать ее. Видя нехороший цвет лица Лу Ваньчэна, даже в уголках его бровей и глаз виднелась усталость, она огорченно сказала: «Хотя для мужа естественно сопровождать свою жену во время возвращения в родительский дом, Ваньчэн болен. Даже если он не поедет, резиденция Линь наверняка поймет».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Цинюй сказал то же самое. Он даже отправился в путь, не сказав мне, чтобы я не ходил. Мама, как ты думаешь, его следует наказывать?»

Линь Цинюй поднял брови.

Лу Ваньчэн... Действительно пришел по этому поводу.

Лян Ши посмотрела на Линь Цинюй, но его лицо ничего не выражало. Она сделала паузу и тихо сказала: «Цинюй думал о твоём здоровье. За что тут наказывать?»

Лу Ваньчэн усмехнулся и сказал: «Раз мама так сказала, значит, он не будет наказан. Но впредь это не должно повториться. Цинюй, ты можешь дать мне побыть наедине с мамой?»

Чувства Линь Цинюй были сложными.

«Угу».

Лу Ваньчэн поговорил еще немного с Лян Ши. Затем он, по-видимому, нечаянно упомянул об ответных подарках: «Ответные подарки Цинюй были взяты из приданого моей биологической матери, поэтому я не сказал маме заранее. Мама, конечно, не должна возражать».

Лян Ши улыбнулась. Она сделала глоток чая и сказала: «Это тебе оставила твоя биологическая мать. Естественно, они в твоём полном распоряжении».

Лян Ши не была биологической матерью Лу Ваньчэна. Линь Цинюй слышал об этом раньше. Биологической матерью Лу Ваньчэна была первоначальная супруга Наньань Хоу, дочь главной жены самого влиятельного чиновника столицы Вэнь Гогуна. У Вэнь Гогуна две дочери*, одна вышла замуж за резиденцию Наньань Хоу, а другая стала нынешней императрицей.

[Примечание: В частности, дочери от первой/официальной жены.]

Лу Ваньчэн родился в резиденции Хоу, и по материнской линии у него были выдающиеся родственники. У него было многообещающее будущее. Жаль, что его биологическая мать умерла из-за сильного кровотечения во время трудных родов. Из-за преждевременных родов он родился слабым и болезненным. Осмотревший новорожденного лекарь сказал, что он не доживет до двадцати лет.

Наньань Хоу нежно любил своего старшего сына и приложил все усилия, чтобы вылечить его. Он не осмеливался воспитывать его также строго, как нормального законного наследника. Позже, чтобы кто-то мог управлять делами резиденции, он женился на Лян Ши – второй супруге, и у них родились сын и дочь.

Лу Ваньчэн с детства рос рядом с Лян Ши, и Лян Ши во всем ставила его на первое место. Хотя она и не была его биологической матерью, она была даже лучше, чем биологическая мать. По крайней мере, так Линь Цинюй сказала сваха перед свадьбой.

Вернувшись от Лян Ши, Лу Ваньчэн был почти на пределе своих возможностей. Приняв лекарство, он лег на кровать. Линь Цинюй также отдыхал на луохане. Эти двое все еще были разделены экраном с утками-мандаринами, играющими в воде.

Линь Цинюй вспомнил все, что произошло сегодня, и не смог удержаться от вопроса: «Молодой мастер Хоу, ты спишь?»

Из-за ширмы донесся голос Лу Ваньчэна: «Еще нет. А что, ты хочешь поговорить со мной при свечах?»

Линь Цинюй медленно сказал: «На самом деле, ты не дурак».

«Конечно, нет, — со смехом сказал Лу Ваньчэн. — О чем ты только думал? Когда я учился, то всегда занимал первое место».

Линь Цинъюй не поверил в это: «Может ли такой лентяй, как ты, занять первое место?»

Голос Лу Ваньчэна стал тише: «Хм... Усталость от учебы и получение первого места не противоречат друг другу».

«Как ты это себе представляешь?»

«Есть вещи, которые я ненавижу делать, но я знаю, что это принесет пользу. Поэтому я заставляю себя их делать. Так было и с учебой, и с выражением моего почтения Лян Ши сегодня».

Линь Цинъюй немного подумал, а затем спросил: «Но ты с самого рождения восстанавливаешься, лежа в постели, так как ты мог учиться с другими?»

Линь Цинъюй подождал некоторое время, но, когда не услышал ответа от Лу Ваньчэна, то понял, что тот заснул.

Прошел первый месяц, дни становились теплее; зима, самое трудное время для пациента, наконец-то закончилась. С наступлением теплых дней здоровье Лу Ваньчэна значительно улучшилось, и ему не нужно было полагаться на инвалидное кресло для передвижений. Помимо сна, ему также нравилось гулять со своими любимыми птицами, ему нравилось смотреть на цветы, смотреть как играют в тоуху*, смотреть спектакли... Короче говоря, ему нравилось все веселое, что не требовало от него движения.

[Примечание: Древняя банкетная игра в бросание стрелы в горшок.]

В этот день Линь Цинъюй находился в кабинете, изучал лекарства в рецепте. Рецепт был выписан его отцом в день возвращения невесты в родной дом. Он хотел выяснить назначение компонентов лекарства. Что касается использования его для Лу Ваньчэна, он еще не решил. В этом рецепте некоторые ингредиенты были токсичными и могли причинить дополнительную боль пациенту. Он задавался вопросом, есть ли другие, относительно более мягкие лекарства, которые могли бы их заменить...

Резкий птичий крик прервал мысли Линь Цинъюй. Этот звук был мягким и приятным на слух. Было бы приятно послушать пение в свободное время. Но слушать его, когда он пытался сосредоточиться, было раздражающе.

Линь Цинъюй не хотел обращать внимания, он закрыл глаза и попытался погрузиться в работу. Но птичье пение не прекращалось. В довершение всего раздались взрывы смеха, и Линь Цинъюй

больше не мог этого выносить. Он встал, открыл окно и холодно сказал некоему человеку, который выводил свою любимую птицу на прогулку: «Молодой мастер Хоу, пожалуйста, контролируйте свою птицу».

Услышав его голос, Лу Ваньчэн оглянулся. В руке у него была золотая птичья клетка. Кроме Хуань Туна, его окружала группа красивых девушек, это были все маленькие служанки Павильона Голубого Ветра, привлеченные пением хвамей* в птичьей клетке. Позади него росло цветущее золотистое персиковое дерево, которое рано расцвело.

[Примечание: Гарруакс канорус, очковая кустарница, или хвамей. Разновидность птицы.
<https://www.youtube.com/watch?v=wzJk5Sm-bcU>]

«Это лекарь Линь, — сказал ему Лу Ваньчэн через окно. Дул весенний ветерок, и в его голосе была улыбка: — Не хочешь поиграть с моей птичкой?»

[Примечание: Не могу удержаться! А вы знали, что иногда «птичкой» называют чл*н? Это предложение звучит так двусмысленно...]

Лицо Лу Ваньчэна все еще было болезненно-бледным, изможденным и худым. Его поза была ленива и небрежна, как у чуть пьяного красивого и достойного ученого. Однако Линь Циньюй почувствовал другую ауру.

У него было необъяснимое чувство, что у Лу Ваньчэна не должно быть такого слабого тела, не способного противостоять даже ветру. Скорее, он должен быть молодым человеком, едущим верхом на лошади по мосту, а из окон и с балконов сверху ему машут красавицы, ошеломленные его героической статью.

Линь Циньюй: «Я занят. Ты можешь быть потише?»

Лу Ваньчэн сказал: «Мне очень жаль. Но ты уже провел большую часть дня взаперти в кабинете. Тебе следует сделать перерыв».

Хуань Тун согласился: «Совершенно верно, молодой мастер. Сегодня так хорошо на солнце. Вы можете послушать пение птиц вместе с нами».

«Погоня за мелкими удовольствиями мешает достижению высоких целей. Простите, но не могу составить вам компанию», — Линь Циньюй закончил говорить и с грохотом закрыл окно.

Лу Ваньчэн с сожалением сказал: «Твой молодой мастер иногда может быть действительно скучным».

Хуань Тун и Лу Ваньчэн играли вместе, но в глубине сердца он по-прежнему был предан молодому хозяину его семьи.

«Это потому, что мы находимся в резиденции Хоу. Когда он был в резиденции Линь, молодой мастер* был не таким».

[Примечание: Для всех в резиденции Хоу ЛЦЮ – шаоцзюнь, а ЛВЧ называют молодым мастером, но поскольку Хуань Тун пришел к нему из резиденции Линь, именно ЛЦЮ является его молодым мастером, а ЛВЧ он называет молодым мастером Хоу.]

Лу Ваньчэн подумал о том, как Линь Цинъюй в течение многих лет следовал за своим учителем, чтобы учиться вдали от дома, и сказал: «Ты прав. — После этого он снова улыбнулся. — Но даже если он скучный и занудный, я думаю...»

Прежде чем он успел закончить свои слова, из кабинета внезапно донесся сильный грохот. Все поспешно толкнули дверь и вошли, только чтобы увидеть Линь Цинъюй, прислонившегося к книжной полке, с несколькими медицинскими книгами, разбросанными вокруг, и упавшим деревянным табуретом.

Хуань Тун встревоженно спросил: «Молодой мастер, с вами все в порядке?»

Линь Цинъюй спокойно сказал: «Я в порядке. Я просто случайно оступился, когда откладывал книгу. — Он выглядел очень неловко, когда увидел так много людей, столпившихся у двери. — Вам всем нечем заняться?»

Лу Ваньчэн поддержал его за руку и сказал с улыбкой: «Не стесняйся. Падающий красавец по-прежнему прекрасен».

«Я не падал. Я просто вывихнул лодыжку. — Линь Цинъюй не смог сдержать низкий стон, когда почувствовал острую боль. — Помоги мне добраться до спальни. Там есть лекарство».

Лу Ваньчэн сказал: «Как ты можешь так ходить? Я отнесу тебя на руках».

Линь Цинъюй удивленно сказал: «Ты...»

Что нашло на Лу Ваньчэна? Неужели он вдруг забыл о своем слабом теле?

Лу Ваньчэн положил руку ему на талию и поднял на руки.

От этого движения лицо Лу Ваньчэна слегка изменилось, а тело резко покачнулось. Он едва не упал вместе с человеком, которого держал на руках. К счастью, Хуань Тун был рядом, чтобы поддержать его.

Линь Цинюй побледнел от боли.

«Я умоляю тебя. Не роняй меня снова».

Лу Ваньчэн никогда еще не был так взволнован, как сейчас: «Я не...»

«Я сделаю это, молодой мастер Хоу! Я сильный!»

Лу Ваньчэн наблюдал, как Хуань Тун легко взвалил Линь Цинюя на спину и быстро побежал в спальню. Он вдруг тихо рассмеялся и сказал: «Черт возьми».

Автору есть что сказать:

Он все еще мужчина, если не в состоянии поднять свою жену на руки? [Громкий смех.jpg]

<http://bllate.org/book/15122/1336625>